

Старенькая, как сама деревня, коричневая глиняная кружка. Неприметная толстушка с шершавыми толстыми боками каждое утро, наперегонки с солнечными зайчиками и петухами, вкусным дымком будила свою маленькую хозяйку. Под глиняной крышечкой пыхала разомлевшая в печи каша или топленое молоко с коричневой-прекоричневой пенкой. Но чаще в ней «дышала» пышная, в дырочку, яичница.

...Пока ложка шустро пробиралась к глиняному донькищу, непричесанная непоседа успевала потрогать васильки и вспомнить: «Вчера хотела еще за ромашками сбегать – баба Лена не пустила. На этот раз попало за сдобные лепешки, все до одной скормленные ягнятам, когда играла в «дрессировщицу»... Сегодня Мишку погоню пастись не к полю, а к речке. Заодно черемухи поем. Она там крупная и на низких ветках. Вот бы еще в новых сандалиях убежать, чтобы бабуля не увидела – один ремешок уже оторвался...»

...Однажды, через много лет, она не послушается кнута Суеты, вернется издалека, шагнет в осиротевший немощный дворик... И тихо разрыдается, когда в разбитых коричневых черепках узнает свою глиняную кружку, – неприметную толстушку с шершавыми боками, под аккомпанимент которой родниковая память день за днем и на всю жизнь мастерил лоскутное одеяло ласкового детства.

Права несговорчивая вина и права пронзительная тоска: потеряно то, чего терять нельзя... Но так и не знаю, какой в этом был умысел Судьбы, но коричневая глиняная кружка, очень похожая на ту, из детства, вернулась. Только прежде воля заурядной командировки выбросила меня на

ОСТРОВ СОКРОВИЩ

На карте Ульяновской области это село отмечено малюсенькой точечкой и двумя словами – Сухой Карсун. Я же с собой ничего не могла поделать: чем больше оглядывалась вокруг, тем чаще называла это местечко «Остров Сокровищ». Благо, что добро на эту географически спорную эмоцию по приезду домой получила от самого Ожегова. В его толковом словаре русского языка остров – не только кусочек суши в океане, но и «участок, выделяющийся чем-нибудь среди остальной местности». Ничего не скажешь, на этом «участке» Творец работал вдохновенно – не торопясь, без суеты и со вкусом. Вот земли – для полей разных, вот леса на выбор – грибные, земляничные, ореховые. Вот луга – сочные и пряные. Речки – сразу две с песчарями прямо в селе, и до полноводной красавицы Суры с рыбкой покрупнее езда недолгая. Ну а родимым пятном здесь мудрый Всевышний оставил уникальное месторождение глины – то ли на забаву местному люду, то ли на испытание.

Никто в Сухом уж и не помнит, сколько поколений крутило гончарный круг. Из века в век, от старых к малым, вместе с мазолями и потом передавалось красивое ремесло. Как, впрочем, и нехитрая философия здешних мест: люди закаляли горшки, а горшки закаляли людей. Подходил срок, и уходили далеко за деревенскую околицу подводы с товаром знатным: балакери под молоко, крынки под сметану, миски для щей и каши, кружки для кваса и браги, цветочницы под герани и фикусы. Как же в этих подводах нуждалась вся российская округа. И то сказать: в одну сторону горшки здешние дошли до Белокаменной, а в другую аж до седого Урала.

Когда дядя Коля Акимов, потомственный гончар, в ответ на мою Потерю протянул глиняную кружку («не майся так, небось и ту, твою пропашую, кто-то из наших делал») – я вдруг поняла свой «должок» детству и памяти. Обрадовалась, как когда-то непричесанная девчонка: вот кружка, вот гончарный круг и дядя Коля,

вот Остров Сокровищ – есть все, чтобы поработать в жанре радости и гордости.

- Ты погоди, с радостью, - вздохнул дядя Коля. – Посиди минуту, я только печку затоплю. – И медлил, вроде для себя решал: стоит ли начинать. Говорили долго...

За его уставшей спиной иконы и гончарный круг, доставшийся по наследству. Потому и казалось, говорил за всех: за прадеда и деда, за отца и себя. Еще не прогорели в печи дрова, а я поняла: счастливой истории не получится.

А ведь земли эти под покровительством доброго ремесла просто обречены были на историю красивую, не прокатись по ним грубо и жестоко колесница судьбы Отечества. А оно, как мы знаем, мало жило безмятежно.

Коллективизация в этих краях началась одно: в колхозе ты весь день напролет за абстрактные трудодни. А гончарный круг, который сулил семьям местных мужиков кусок хлеба, - это время поздней ночи и первых петухов.

Нина и Василий Алмазовы

Потом – под шепот страха – годы репрессий. За ними – чудовище Война с похоронками, безотцовщиной, черной вдовьей ношей. И еще голодом, какого в здешних краях сроду не видели. В сорок втором в Сухом заколотили триста с лишним гробов. Дядя Коля вспомнил, как однажды мать внесла с мороза решето красной рябины и, почти обезумевшая, выдохнула: «Больше есть нечего»...

А они, пацаны – тощие и в цыпках – не только вшестером впрягались и пахали, пахали, но и без отцов гончарный круг не остановили.

Потом, уже после войны, хитрые налоговые агенты, хотя и попортили крови горшечникам, погоды все равно не делали.

По общей памяти местных, расцвет гончарного дела в Сухом Карсуне пришелся на семидесятые, и Брежнева, между прочим, здесь в обиду не дают. Что ни дом (а их побольше четырех десятков будет), то гончарный круг, и что ни семья, то с телевизором, мотоциклом, а то и с машиной. Дома крепкие, ухоженные. Соседи будто поддразнивали друг дружку: «У тебя красиво, а я красивее сделаю!» В это же время тетя Нина Алмазова, вырастившая пятерых детей, «отводит душу» и из горшечной глины всем на загляденье лепит... буренок, курочек и петушков. А в местной восьмилетке было столько ребятни, что, скажем, Петьке из 8А нравилась Танька из 8Б. И лучший друг Вовки из 6Б, Санька,

учился в 6А. В эти же годы здесь всю работали сельхозтехника, лесничество, кирпичный завод, филиал Карсунской чулочной фабрики и на полную катушку – колхоз с пашнями, лугами, фермами, хрюшам, овцами и четырьмя стадами по сто коров в каждом.

70-е... Сколько же времени прошло? Даже меньше половины человеческой жизни. Без войны и разрухи. Без голода и гильотбы – потеряно почти все...

По асфальтовой дороге ладненько бежит командировочный наш «уазик». За рулем – не чужак, а родной этим местам Слава Алмазов.

- Не поверишь, но вот эти двенадцать километров многим вообще судьбу поломали. Потом провели этот чертов асфальт, да поздно было – молодежь всю уже бежала в город. За какие-то три десятка лет все здесь остановилось, заглохло и почти умерло. И горшечники оказались нужны только себе. Осталось, может, на весь Сухой человека два-три. Когда начинались здесь горшки – никто не помнит, а умирает ремесло в наше время – куда более сытое и спокойное. А вот, смотри вперед, во-о-он, где красивый лес – любимый мой лес. Там рядом Жемковка жила – деревня с тремя улицами и своим колхозом. Я ведь знал всех до одного... А в старину там барин жил и посадил сад – яблони, вишни, сливы. Еще тополя и дубы. Остатки барского сада до сих пор есть, а вот домов – ни одного. Одни столбы и обвалы погребов... Знаешь, как сюда тянет, - открывенничает Слава.

- Наверное, знаю, - подумала я про себя.

Вячеслав Алмазов

С девятилетним Алешкой Андреевым в резиновых сапогах по осенней распутице мы удираем гулять. Прогалом, за усадь-огороды прямоком – в осеннюю красоту.

- Нет, тетя Тамар, я отсюда никуда не уеду. В городе на каждом метре светофор – тесно. В Карсуне выучусь на тракториста и опять сюда.

- Но ты же отличник, - провоцирую я. - Может, в институт? И вообще, пока растешь, Сухой будет жить, как думаешь?

Задумался.

- Будет, наверное.

Я слушала Алешку, а слышала деревню. Настрадавшаяся, она не терпит фальши и, как ложные грибы, отбрасывает мимолетное раскаяние, жалость и сочувствие. Она давным-давно нуждается в Поступках.

... Нам пора. Медленно приставиваясь к глубокой колее, дернулся наш «уазик». Вдруг вижу: Алешка, неуклюже повиснув на своем велике, смотрит нам вслед и, не стесняясь, плачет... И я почти молю: « Не мама, а Судьба, вытри побыстрее эти слезы. Судьба другая – красивая и востребованная. Научись, Алешенька, за всех нас не терять того, чего терять нельзя – Коричневую Глиняную Кружку, Жемковку, Гончарный Круг и целые Острова Сокровищ».

Тамара и Алешка

Тамара Еперина

Школа в Сухом Карсуне, построенная на фундаменте разрушенной церкви

Гончар дядя Коля Акимов с женой

Погреб - все, что осталось от бывшей деревни Жемковки

Глиняная посуда Н. Акимова

Дорога в Сухой Карсун. Вид с барской усадьбы